

СОДЕРЖАНИЕ

Неустршимый кораблик	7
Через Панамский канал	27
Странное утешение, даруемое профессией	131
Слон и Колизей	152
Помпеи	237
Джин и Златоцвет	274
Лесная тропа к роднику	293

НЕУСТРАШИМЫЙ КОРАБЛИК

Был день соленых брызг и летящих клочьев пены, а с моря за горы, пророча дождь, уносились черные тучи, гонимые бешеным мартовским ветром.

Но чистый серебряный морской свет лился от горизонта, и само небо там было как сияющее серебро. А в неизмеримой дали, в Америке, оснеженный вулканический пик Маунт-Худ плавал в вышине, лишенный подножия, отсеченный от земли и все-таки слишком, слишком близкий, что было еще более верным предзнаменованием дождя, словно горы надвинулись на море или все продолжали надвигаться.

В парке у порта раскачивались огромные деревья, и самыми высокими были трагические Семь Сестер, созвездие из семи благородных кедров, которые простояли тут не одну сотню лет, но теперь умирали, изуродованные, с голыми, лишенными коры верхушками и засыхающими ветвями. (Они умирали, лишь бы не жить дольше в соседстве с цивилизацией. И тем не менее, хотя все давно забыли, что это название дали им в честь Плеяд, и считалось, будто местные патриоты нарекли их так в честь семи дочерей мясника, которые семьдесят лет назад, когда растущий город именовался Гэспул, танцевали все

вместе в витрине какого-то магазина, ни у кого не хватало духа срубить их.)

Ангельские крылья чаек, круживших над верхушками деревьев, пронзительно белели на фоне черного неба. Снег, выпавший накануне ночью, тянулся далеко вниз по склонам Канадских гор, чьи оледенелые вершины, громящиеся друг над другом пирамиды и шпили рваной цепью уходили к северу, насколько хватал глаз. И надо всем — орел, нацеленный, как горнольжник, без конца устремлялся вниз, на мир.

В отражавшем все это и еще многое другое зеркале старых автоматических весов, чье чело опоясывала надпись «Ваш вес и ваша судьба» и которые стояли на набережной между конечной остановкой трамвая и ларьком, где продавались рубленые бифштексы, в этом зеркале вдоль окаймленной камышами полосы воды, именуемой Потерянной Лагуной, приближались две фигуры в макинтошах — мужчина и прекрасная, полная огня девушка, оба простоволосые, оба поразительно белокурые, державшиеся за руки, так что они показались бы вам юными влюбленными, если бы не были похожи, как брат и сестра, и если бы теперь не стало видно, что мужчина, хотя его походка была по-юношески стремительной, выглядит старше девушки.

Мужчина — красивый, высокий и тем не менее коренастый, очень загорелый; при взгляде с более близкого расстояния, несомненно, много старше девушки, одетый в один из тех синих с поясом дождевиков, к которым привержены офицеры торговых судов всех стран, но без соответствующей фуражки (к тому же рукава плаща были ему коротки и вы могли разглядеть на запястье татуировку, а когда он подошел еще ближе, разобрать, что это как будто якорь), тогда как плащ девушки был из какого-то завораживающего древесно-зеленого вельвета — муж-

чина время от времени замедлял шаг, чтобы посмотреть на прелестное смеющееся лицо своей спутницы, и раза два оба они остановились, большими глотками впивая соленый чистый морской и горный воздух. Им улыбнулся ребенок, а они улыбнулись ему. Но ребенок был чей-то чужой, а эту пару не сопровождал никто.

В лагуне плавали дикие лебеди и очень много диких уток — кряквы, чирки-свистунки, шилохвосты, нырки и кудахтающие черные лысухи с клювами, точно вырезанными из слоновой кости. Маленькие чирки часто взлетали с воды, а некоторые из них кружили, как горлицы, среди деревьев поменьше. Под этими деревьями, окаймлявшими берег, на откосе сидели другие утки, уткнув клювы в перья, которые ерошил ветер. Деревья поменьше были яблони и боярышник, уже начинавшие зацветать, прежде чем почки на них развернулись в листья, и плачущие ивы, с чьих веток на проходившую под ними пару сыпались маленькие ливни, потому что ночью прошел дождь.

По лагуне описывал широкие круги красногрудый крохаль, и вот на эту стремительную и гневную морскую птицу с гордым взлохмаченным хохолком смотрели теперь мужчина и девушка с особенным сочувствием — возможно потому, что он казался таким одиноким без своей подруги. А, они ошиблись! К красногрудому крохалю присоединилась его супруга, и с утиной внезапностью, оглушительно захлопав крыльями, две дикие птицы перелетели в другой конец лагуны. И почему-то простенькое это происшествие вновь сделало этих двух хороших людей (ведь почти все люди, которые гуляют в парках, хорошие) очень счастливыми.

Теперь вдалеке они увидели маленького мальчика, который под присмотром отца, встав на колени у самой воды, пускал плавать по лагуне игрушечный кораблик.

Но порывистый мартовский ветер тут же опасно накренил крохотную яхту, и отец подтащил ее к берегу, зацепив изогнутой ручкой своей палки, и опять поставил на ровный киль перед сыном.

«Ваш вес и ваша судьба».

Внезапно лицо девушки совсем близко в зеркале весов сморщилось словно от слез; она расстегнула верхнюю пуговку плаща, поправляя шарф, и открыла золотой крестик па золотой цепочке, обвивавшей ее шею. Теперь на набережной у весов они были совсем одни, если не считать старичков, которые кормили уток внизу, и этого отца с сыном и игрушечной яхтой, но все они стояли к ним спиной, а пустой трамвай, внезапно рванувшийся назад в город, уже погромыхивал по маленькому конечному кругу; и мужчина, который все это время пытался раскурить трубку, обнял девушку и нежно ее поцеловал, а потом, прижавшись лбом к ее щеке, на мгновение привлек к себе.

Снова наискосок спустившись к лагуне, они теперь прошли мимо мальчика с корабликом и его отца. Они опять улыбались. То есть в той мере, в какой можно улыбаться, прожевывая рубленый бифштекс. И они все еще улыбались, когда обогнули заросли тонких камышей, где северо-западный дрозд-белобровник делал вид, будто он и не помышляет вить гнездо, — северо-западный дрозд-белобровник, который, подобно всем птицам в здешних краях, имеет право смотреть на человека сверху вниз, ибо он сам себе таможенник и может пересекать дикую границу, ни у кого не спрашивая разрешения.

Дальний берег Потерянной Лагуны густо зарос ариземой, чьи изгибающиеся капюшонами листья с широким раструбом распространяли вокруг особый звериный запах. Двое влюбленных приближались теперь к лесу, где между старыми деревьями вилась несколько тропинок.

Опоясанный морем парк был очень велик, и, как многим другим паркам северо-западной части Тихоокеанского побережья, ему было мудро дозволено в некоторой своей части сохранить первозданную дикость. Собственно говоря, несмотря на его уникальную красоту, вы вполне могли бы принять его за американский парк, если бы не «Юнион Джек», летящий в непрерывном галопе над одним из павильонов, и если бы в этот момент чуть выше, на тщательно вписанном в ландшафт шоссе, которое через туннели серпантинами спускалось к подвесному мосту, не промелькнул патруль королевской канадской конной полиции, по-королевски оседлавший сиденья американского шевроле.

Перед лесом тянулся сад, где на укрытых от ветра клумбах цвели подснежники, а там и сям крокусы по два и по три поднимали из травы свои милые чашечки. Мужчина и девушка теперь, казалось, были погружены в глубокое раздумье — они шли прямо навстречу порывистому ветру, который взметывал шарф девушки у нее за спиной, как вымпел, и свирепо ворошил густые белокурые волосы мужчины.

До них доносились вопли вознесенного на фургон громкоговорителя где-то на улицах Енохвиллпорта, города, который составляли разбросанные на разных уровнях обветшалые полунебоскребы со всевозможным железным ломом на крышах, вплоть до разбитого самолета, а также заплесневелые биржевые здания, новые пивные, даже в разгар дня шевелящиеся ползучими пятнами света и больше всего похожие на гигантские общественные уборные для обоих полов с изумрудной подсветкой, кирпичные сараи с английскими кафе-кондитерскими, где вам погадает какая-нибудь родственница Максимилиана Мексиканского, тотемные фабрики, магазины тканей с лучшим шотландским твидом и с опиум-

ными притонами в подвалах (при полном отсутствии баров, точно, подобно гнусному дряхлому развратнику, вместилищу всех тайных пороков, этот не знающий веселья город, паралично дрожа, проскрипел: «Нет-нет, это уж слишком! До чего тогда докатятся наши чистые мальчики?»), вишневое пылание кинотеатров, современные многоквартирные жилые дома и другие бездушные левиафаны, не укрывающие ли — как знать? — благородные незримые усилия и свершения литературы, драматургии, живописи или музыки, лампу ученого и отвергнутую рукопись или же неопишущую нищету и духовное падение; между этими городскими приманками там и сям были втиснуты прелестные, темные, увитые плющом старинные особняки, которые, казалось, тихо плакали, упав на колени, отрезанные от света, а на других улицах — разорившиеся больницы и один-два массивных банка, ограбленные нынче днем, и среди всего этого кое-где далеко позади грустных, никогда не бьющих, черно-белых курантов, чьи стрелки показывали три, торчали карликовые шпили, венчающие деревянные фасады с почерневшими окнами-розетками, нелепые закопченные купола в форме луковиц и даже китайские пагоды, а потому вы сперва думали, будто попали на Восток, затем — в Турцию или Россию, хотя в конце концов, если бы не тот факт, что некоторые из этих сооружений были церквями, вы пришли бы к выводу, что очутились в аду; но, впрочем, всякий, кто побывал-таки в аду, уж конечно, кивнул бы Енохвиллпорту как старому знакомому, еще более укрепившись в своем мнении при виде многочисленных и на первый взгляд довольно живописных лесопилен безжалостно дымящих и чавкающих, как демоны — Молохов, питаемых целыми горными склонами лесов, которым больше не вырасти, или деревьями, уступающими место ухмыляющимся полкам коттеджей на заднем пла-

не «нашего растущего красавца-города», лесопилен, чей грохот заставляет содрогаться самую землю и претворяется на ветру в плач и скрежет зубовный; все эти курьезные достижения человека, в совокупности составлявшие, как мы выражаемся, «жемчужину Тихого океана», словно по крутому уклону уходили к порту, более ошеломительно, чем Рио-де-Жанейро и Сан-Франциско, вместе взятые, где под всевозможными углами друг к другу на многих милях рейда стояли на якоре грузовые суда, но где единственными видимыми на этом берегу человеческими жилищами, которые как-то гармонировали с этой романтико-героической панорамой и обитатели которых еще могли считаться ей сопричастными, были, как ни парадоксально, десятка два жалких самодельных лачуг и плотовых домиков, точно вышвырнутых из города к самой воде и даже в море, где они стояли на сваях, как рыбачьи хижины (причем некоторые из них, несомненно, и были рыбачьими хижинами), или на катках, потемневшие и ветхие или недавно со вкусом покрашенные — эти последние явно строились так и в таком месте, потому что это отвечало внутренней человеческой потребности в красоте, хотя над ними и тяготела вечная угроза изгнания, и все они, даже самые угрюмые, стояли, дымя гофрированными жестяными трубами, словно игрушечные каботажные пароходики, как будто бросали городу вызов перед ликом вечности. В самом Енохвиллпорте неоновые жутковатых оттенков вывески уже давно начали свою бегущую дергающуюся пляску, которую ностальгия и любовь преобразуют в поэзию тоски; одна замерцала чуть веселее: «ПАЛОМАР — ЛУИС АРМСТРОНГ И ЕГО ОРКЕСТР». Огромный новый серый мертвый отель, который с моря мог показаться вехой романтических чувств, изрыгал из-за зубчатого кладбищенского парапета клубы дыма, словно в нем разгорался пожар, а за ним сверкали

фонари в мрачном дворе суда (также казавшегося с моря местом свидания сердец), где один из каменных львов, недавно взорванный, был благоговейно прикрыт белой простыней и где внутри уже месяц группа незапятнанных обывателей судила шестнадцатилетнего подростка за убийство.

Ближе к парку по словно обсыпанному галькой фасаду клуба Ассоциации молодых христиан, он же варьете, заструились лампочки, глася: «ТАММУЗ *великий гипнотизер, сиводня 8.30*», а мимо бежали трамвайные рельсы, по которым к парку двигался новый трамвай, и их можно было проследить взглядом до самого универсального магазина, где в витрине жертва таммузовских пассов — быть может, склонная поспать правнучка Семи Сестер, чья слава затмила даже славу Плеяд, но во всеулышанье провозглашавшая свое намерение стать женщиной-психиатром, — вот уже три дня сладко и публично дремала на двuspальной кровати, загодя рекламируя представление, объявленное на нынешний вечер.

Над Потерянной Лагуной на шоссе, которое теперь поднималось к подвесному мосту, точно идущая крещендо джазовая мелодия, газетчик кричал: «СЕН-ПЬЕР ПРИГОВОРЕН К ПЛЕТЯМ! ШЕСТНАДЦАТИЛЕТНИЙ МАЛЬЧИК, УБИЙЦА РЕБЕНКА, БУДЕТ ПОВЕШЕН! ЧИТАЙТЕ ПОДРОБНОСТИ!»

Погода тоже была зловещей. И все-таки при виде этих влюбленных другие прохожие на берегу лагуны — солдат-инвалид, который курил сигарету, лежа на скамье, и двое-трое из тех сирых душ, тех глубоких стариков, которые бродят в парках (ведь, оказавшись перед выбором, глубокие старики иной раз предпочитают не сохранить комнату и умереть от голода, во всяком случае в подобном городе, а как-то находить пропитание и жить без крова), — тоже улыбались.

Ибо, пока девушка шла рядом с мужчиной, опираясь на его руку, пока они вместе улыбались и с любовью глядели друг на друга или останавливались, чтобы посмотреть на парящих чаек и на вечно изменчивую панораму оснеженных канадских гор, на их пушистые густосиние провалы, или прислушаться к торжественной звучности раскатистого рева грузового теплохода (именно из-за всего этого свирепые енохвиллпортские ольдерманы и воображают, будто их город красив сам по себе, и, может быть, они не так уж и ошибаются), к гудку парома, который наискось пересекал узкий внутренний залив, направляясь на север, какие только воспоминания ни пробуждались у бедняги солдата, в сердце обездоленных, одряхлевших и даже (как знать?) у конных полицейских — и не только о юной любви, но и о влюбленных, подобно этим исполненным такой любви, что они боялись потерять хоть секунду из времени, которое им дано провести вместе?

И все же лишь ангел-хранитель этой пары мог бы знать (а у них, несомненно, был ангел-хранитель) то самое странное из всего странного, о чем они думали, но, впрочем, они столько раз говорили об этом прежде, и особенно, если выпадал случай, именно в этот день года, что каждый, разумеется, знал, о чем думает другой, а потому для нее не были неожиданностью — но лишь чем-то вроде вступления к священному ритуалу — слова мужчины, когда они вышли на главную лесную аллею, где сквозь укрывающие их от ветра ветви порой можно было разглядеть, точно обрывок нотной записи, фрагмент подвесного моста.

— Это был совсем такой день, как сегодня, — день, когда я пустил плыть кораблик. Это было двадцать девять лет назад в июне.